

От т. Ежова

108

92

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

РАСЕКРЕЧЕНО

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/б/ -

тов. С Т А Л И Н У.-

Направляю Вам первый протокол допроса арестованного  
СЕРЕБРЯКОВА Л.П. от 17/ХП-с.г..

СЕРЕБРЯКОВ после долгого запирательства сознался в том,  
что:

1/ он входил в действующий параллельный центр контррево-  
люционного троцкистско-зиновьевского блока;

2/ был в курсе террористической деятельности первого цен-  
тра блока;

3/ что в параллельном центре он (СЕРЕБРЯКОВ) руководил  
террористической деятельностью и осуществлял руководство За-  
кавказскими троцкистами через Буду МДИВАНИ;

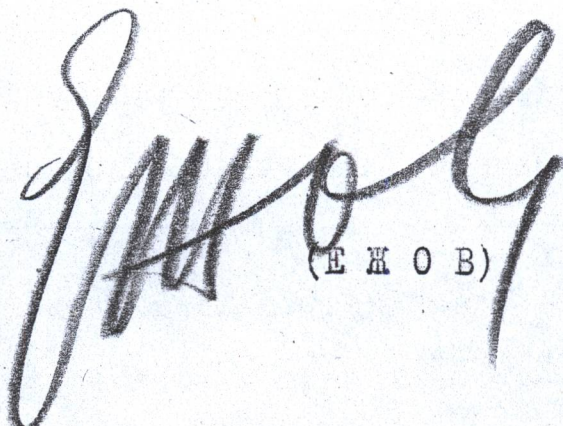
4/ СЕРЕБРЯКОВ подтвердил также показания РАДЕКА о получен-  
ных центром блока директивах ТРОЦКОГО о пораженчестве, дивер-  
сии, вредительстве, терроре и о переговорах с представителями  
немецкого и японского правительств на территории СССР.

Дальнейшее следствие ведется в направлении вскрытия  
конкретной террористической диверсионной деятельности СЕРЕБРЯ-  
КОВА, особенно по Закавказью.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР  
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА С.С.Р. :

"20" декабря 1936 г.

АС9090

  
(Е Ж О В)



ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

СЕРЕБРЯКОВА Леонида Петровича

от 17 декабря 1936 года

ВОПРОС: Вы подали на имя Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР заявление о том, что Вы желаете дать искренние показания о своей контрреволюционной троцкистской деятельности.

Что Вы хотите показать.

ОТВЕТ: Я хочу прежде всего заявить следствию, что я признаю себя виновным в том, что я - СЕРЕБРЯКОВ, будучи членом параллельного центра троцкистско-зиновьевского блока, вел террористическую, подрывную и предательскую деятельность, направленную против Советского Союза и его руководителей.

Обо всех этих тягчайших преступлениях я и хочу дать подробные показания.

ВОПРОС: К какому времени относится начало Вашей контрреволюционной деятельности.

ОТВЕТ: Известно, что в 1926-1927 г.г. я являлся членом всесоюзного троцкистского центра и одним из организаторов троцкистского подполья в СССР.

Несмотря на то, что в 1928 году я подал заявление в ЦКК о своем разрыве с троцкизмом, на деле я продолжал оставаться на своих троцкистских позициях и борьбу с ВКП(б)



прекращать не собирался. Это мое заявление в ЦКК являлось двурушническим маневром и направлено оно было к тому, чтобы сохранить себя в партии. Так как вопрос о сохранении троцкистских кадров в рядах партии стоял тогда очень остро, то такого рода указания давались нами, лидерами троцкистской организации, всему нашему активу.

ВОПРОС: Лично Вы давали кому-нибудь указания о двурушниском отходе от троцкизма.

ОТВЕТ: Да, давал.

ВОПРОС: Кому именно.

ОТВЕТ: Я сейчас не могу вспомнить всех троцкистов, которым мною давались такие указания, но у меня в памяти сохранилась относящаяся к 1928 году встреча в Гаграх с активными троцкистами ГАСВИАНИ Лидией и ЦИЦЦАДЗЕ, которые приехали тогда в Гагры специально для свидания со мной по вопросам дальнейшей троцкистской работы.

Я настоятельно убеждал ГАСВИАНИ и ЦИЦЦАДЗЕ сманеврировать и вернуться в партию. Я им доказал тогда тактическую необходимость этого двурушнического шага.

Так вот, начало моей скрытой контрреволюционной деятельности следует отнести к 1928 году, хотя активная борьба с руководством ВКП(б) началась позднее. Я имею в виду 1932 год, когда я восстановил контакт с центром троцкистско-зиновьевской организации, существовавшей в СССР.

ВОПРОС: Как это произошло.



ОТВЕТ: Осенью 1932 года, перед своим отъездом на восток, ко мне в Цудортранс пришел МРАЧКОВСКИЙ Сергей. У него, в связи с поездкой, были ко мне кое-какие дела по линии Цудортранса и они явились формальным предлогом его посещения. Закончив все эти дела, МРАЧКОВСКИЙ приступил к изложению истинной причины своего визита ко мне.

МРАЧКОВСКИЙ прежде всего заявил мне, что он говорит со мной от имени и по поручению действующего в СССР центра восстановленного троцкистско-зиновьевского блока.

Он сообщил мне вслед за этим, что, примерно, год тому назад в Берлине состоялась встреча И.Н.СМИРНОВА с сыном ТРОЦКОГО - Львом СЕДОВЫМ, который передал ему директиву ТРОЦКОГО о необходимости в борьбе с руководством ВКП(б) перейти к террористическим методам и о том, что в первую очередь террор надо направить против СТАЛИНА, ибо без насильственного устранения СТАЛИНА и его ближайших соратников надежд на приход к власти троцкистов - нет.

ВОПРОС: Как Вы отнеслись к этому сообщению МРАЧКОВСКОГО.

ОТВЕТ: К тому времени постановка вопроса о терроре, как о способе борьбы со СТАЛИНЫМ, не явилась для меня неожиданной. Она вытекла неизбежно из нашего двурушничества и из контрреволюционных позиций, которые мы занимали. С директивой ТРОЦКОГО о терроре я был целиком согласен.

ВОПРОС: Что Вам сообщил МРАЧКОВСКИЙ о троцкистско-зиновьевском блоке.



ОТВЕТ: МРАЧКОВСКИЙ, далее, проинформировал меня, что в соответствии с полученной из-за границы последующей директивой ТРОЦКОГО недавно восстановлен блок троцкистов и зиновьевцев и образован об"единенный центр блока. Троцкистско-зиновьевский блок, по словам МРАЧКОВСКОГО, ставил своей задачей возобновление активной борьбы с руководством ВКП(б) и подготовку условий для замены этого руководства троцкистско-зиновьевским руководством.

ВОПРОС: На какой основе был восстановлен этот блок.

ОТВЕТ: В основе этого блока лежало, по информации МРАЧКОВСКОГО, взаимное признание троцкистами и зиновьевцами террора главным средством борьбы с руководством ВКП(б).

МРАЧКОВСКИЙ мне передавал, что признание террора зиновьевской частью блока ТРОЦКИЙ поставил обязательным условием соглашения троцкистов с зиновьевцами.

ВОПРОС: Кто вошел в состав центра этого блока.

ОТВЕТ: МРАЧКОВСКИЙ мне назвал следующий состав центра: КАМЕНЕВ, ЗИНОВЬЕВ, ЕВДОКИМОВ - от зиновьевской части блока и СМIRHOB И.Н., МРАЧКОВСКИЙ и ТЕР-ВАГАНЯН - от троцкистской.

ВОПРОС: Против кого персонально готовились террористические акты и что Вам известно о практической их подготовке.

ОТВЕТ: Когда МРАЧКОВСКИЙ был у меня в 1932 году, он мне ничего конкретного о террористической деятельности



организации не сообщил, за исключением того, что организация будет готовить в первую очередь теракт против СТАЛИНА.

В следующую встречу со мной, в 1934 году, тоже у меня в Цудортрансе, когда МРАЧКОВСКИЙ, вернувшись с БАМ"А, получал новое назначение, он мне дал более подробную информацию о террористической деятельности организации.

ВОПРОС: Что именно он Вам сообщил.

ОТВЕТ: МРАЧКОВСКИЙ мне рассказал, что подготовка террористического акта против СТАЛИНА идет весьма интенсивно и что практически вся организация покушения ведется ДРЕЙЦЕРОМ и его группой террористов.

МРАЧКОВСКИЙ сообщил мне также, что зиновьевцы со своей стороны тоже действуют в этом направлении, причем у них руководит подготовкой теракта БАКАЕВ.

ВОПРОС. А о подготовке убийства С.М.КИРОВА, МРАЧКОВСКИЙ Вам говорил.

ОТВЕТ: Нет, об этом МРАЧКОВСКИЙ мне не рассказывал.

ВОПРОС: С какой же целью МРАЧКОВСКИЙ в 1932 году информировал Вас о возобновлении троцкистско-зиновьевской организацией борьбы с ВКП(б).

ОТВЕТ: МРАЧКОВСКИЙ информировал меня обо всем этом, имея ввиду побудить и меня к возобновлению активной деятельности в троцкистско-зиновьевской организации.

Так как я одобрял блок троцкистов и зиновьевцев, как и террористическую основу, на которой он был заключен, то уговаривать меня МРАЧКОВСКОМУ не надо было. Свое согласие



на участие в организации я дал.

ВОПРОС: В какой же роли Вам было предложено участие в организации.

ОТВЕТ: Я вошел в параллельный, центр троцкистско-зиновьевского блока, в качестве члена этого центра.

Вопрос о создании этого параллельного центра вытекал естественно из общего плана деятельности нашей организации, ставшей на путь индивидуального террора. Террористическая деятельность, конечно, была связана с неизбежными провалами в отдельных звеньях организации и таила в себе опасность провала всего центра.

Так вот, для того, чтобы сохранить преемственность в руководстве организацией и обеспечить тем самым непрерывность в ее деятельности, и было решено создать параллельный центр.

Однако не следует думать, что параллельный центр предназначен был к деятельности лишь в случае провала первого центра. Это не так. Имелось ввиду, что параллельный центр, в котором, кстати сказать, преобладающее влияние имели троцкисты (чего нельзя сказать о первом центре и что беспокоило троцкистов), самостоятельно развертывает активную деятельность и в Москве и на местах.

Правда, вопрос об активизации работы параллельного центра стал не сразу, а лишь к началу 1934 года по директиве ТРОЦКОГО, полученной из-за границы.

ВОПРОС: Кто кроме ВАС вошел в состав параллельного центра организации.



ОТВЕТ: Состав параллельного центра мне был сообщен МРАЧКОВСКИМ в 1932 году и затем в 1933 году подтвержден ПЯТАКОВЫМ во время моей с ним встречи в Гаграх.

В параллельный центр вошли Г.Я.СОКОЛЬНИКОВ, К.В.РАДЕК, Ю.Л.ПЯТАКОВ и я - СЕРЕБРЯКОВ. Как видите, этот центр состоял из людей, сумевших снова завоевать доверие партии и считавшихся окончательно порвавшими с троцкистским прошлым. Это и определило наше вхождение в параллельный как наиболее законспирированный, центр организации.

ВОПРОС: В чем состояла практическая деятельность параллельного центра.

ОТВЕТ: После арестов членов первого центра и значительной группы актива организации, последовавших после убийства КИРОВА, мы, члены параллельного центра, должны были полностью заменить собой первый центр и возглавить организацию.

Однако, о немедленном возобновлении активной нелегальной деятельности после этих событий речи быть, разумеется, не могло и мы выжидали более благоприятного момента.

ВОПРОС: Когда же все-таки была возобновлена деятельность организации.

ОТВЕТ: Летом 1935 года ко мне на работу позвонил ПЯТАКОВ и попросил меня вечером приехать к нему в Наркомтяжпром. Я это сделал вечером следующего дня.

ПЯТАКОВ мне заявил, что у него несколько дней тому



назад был СОКОЛЬНИКОВ и они пришли к выводу, что уже наступило время действовать нашему центру.

ВОПРОС: Что конкретно имел ввиду ПЯТАКОВ.

ОТВЕТ: В эту встречу ПЯТАКОВ поставил передо мной, собственно говоря, один вопрос, — это вопрос о консолидации всех враждебных партии сил или, конкретнее говоря, вопрос о блоке с правыми. В этой связи ПЯТАКОВ назвал мне ТОМСКОГО М.П., который в случае заключения блока с правыми мог бы войти в наш центр. Я одобрил как предложение о блоке с правыми, так и кандидатуру ТОМСКОГО в центр.

Тогда же было решено, что ПЯТАКОВ соберет всех членов центра, и ТОМСКОГО в том числе, для взаимной информации и обсуждения вопросов дальнейшей деятельности организации. Однако, это предложение так и осталось нереализованным по неизвестным для меня причинам.

ВОПРОС: На этом и закончилась Ваша встреча с ПЯТАКОВЫМ.

ОТВЕТ: Нет ПЯТАКОВ меня проинформировал как о террористической деятельности организации, так и о деятельности диверсионно-вредительской.

ВОПРОС: Что именно Вам сообщил ПЯТАКОВ.

ОТВЕТ: По вопросу о террористической деятельности организации ПЯТАКОВ мне сообщил, что в Москве существует руководимая СОКОЛЬНИКОВЫМ террористическая группа ТИВЕЛЯ ЗАКС-ГЛАДНЕВА, подготавливающая террористический акт против Т.СТАЛИНА. ПЯТАКОВ сказал мне, что он лично руководит



украинской террористической группой, направляющей удар против руководителей КП (б) У.

О переходе организации к вредительской и диверсионной деятельности мне было известно раньше - еще в 1933 году от того же ПЯТАКОВА, рассказавшего мне в Гаграх о своей встрече в Берлине с СЕДОВЫМ и о директиве ТРОЦКОГО - всеяческим способом - и вредительством, и диверсией подрывать хозяйственную мощь Союза, чтобы подорвать тем самым и "сталинский режим".

В эту встречу - в 1935 году ПЯТАКОВ мне сообщил, что вредительская и диверсионная деятельность уже развернулась довольно широко. Он говорил мне, правда без подробностей, о диверсионной и вредительской работе в Кемерово, осуществлявшейся ДРОВНИСОМ и БОГУСЛАВСКИМ; на Украине проводившейся через ГОЛУБЕНКО и КОЦОВИНСКОГО и в химической промышленности, осуществлявшейся РАТАЙЧАКОМ.

ПЯТАКОВ мне говорил также о подрывной деятельности наших людей и в военной промышленности.

Это он увязывал с пораженческими установками ТРОЦКОГО, которые прямо предполагали срыв обороноспособности СССР через вредительство и особенно диверсию с момента военных действий.

ВОПРОС: Как аргументировал ТРОЦКИЙ свои пораженческие директивы и откуда они Вам известны.

ОТВЕТ: По этому вопросу у меня была длительная беседа с РАДЕКОМ, с которым я встретился в начале де-



кабря 1935 года возле дома Правительства.

Во время нашей прогулки по Софийской набережной мы с РАДЕКОМ говорили, главным образом, о внешне-политической тактике блока.

Это был не абстрактный, программный разговор, а обсуждение совершенно конкретных действий, уже предпринятых ТРОЦКИМ и центром блока в области внешней политики, и которые должны были обеспечить скорейший приход к власти правительства блока.

ВОПРОС: О каких действиях ТРОЦКОГО и центра блока Вы говорите.

ОТВЕТ: Я имею ввиду переговоры, которые велись ТРОЦКИМ и членами центра с представителями Германии, Японии, Англии и Франции.

Приступая к этим переговорам по директиве ТРОЦКОГО, центр руководствовался бесспорным положением: "через поражение СССР к свержению сталинского руководства".

Следовательно, нужно было обеспечить скорейшее развязывание войны в СССР, сделать все необходимое внутри страны для срыва обороноспособности и договориться с противниками СССР - Японией и Германией о взаимной поддержке, поскольку цели преследовались всеми одни и те же.

К решению этой задачи приступил ТРОЦКИЙ, установив контакт с представителями гитлеровского правительства в Германии и с представителями Японии.

Взамен обещанных ТРОЦКИМ Германии и Японии терри-



ториальных и экономических уступок он требовал начало военных действий с СССР и поддержки правительства троцкистско-зиновьевского блока, которое после поражения должно занять место нынешнего Советского правительства.

В специальной директиве, присланной ТРОЦКИМ РАДЕКУ он требовал от центра подкрепить его переговоры за границей переговорами в Москве с представителями Германии и Японии.

Это и было сделано РАДЕКОМ, который разговаривал с немцами и СОКОЛЬНИКОВЫМ, имевшим беседу, если я не ошибаюсь, с ОТА.

ВОПРОС: В какой же плоскости шли переговоры с Англией и Францией и кто их вел.

ОТВЕТ: Для нас было совершенно ясно, что наше соглашение с Германией и Японией, в случае победоносного шествия немецких и японских войск, будет без всяких колебаний уничтожено Германией и Японией, если это им покажется выгодным.

Для того, чтобы себя застраховать от всяких неожиданностей в этом направлении и ограничить территориальные аппетиты немцев и японцев в условиях их победы, решено было повести переговоры с английскими и французскими правительственными кругами, с тем, чтобы соответствующим образом экономически заинтересовав их от имени будущего правительства, быть уверенными, что в результате их давления, после поражения СССР во главе страны станет правительство блока, а не какое нибудь другое, если бы это попытались сделать немцы и японцы.



Настроения правительственных кругов Англии прощупывались СОКОЛЬНИКОВЫМ через крупного английского журналиста ТАЛЬБОТА, связанного с консерваторами. ТАЛЬБОТ сообщил СОКОЛЬНИКОВУ, что представители английского правительства были заинтересованы экономической программой блока и благожелательно отнесутся к новому правительству в СССР.

С французами, вернее с кругами крупнейших французских предпринимателей из "Комите де форж", вел переговоры ПЯТАКОВ через АРКУСА, ездившего в Париж, и устанавливавшего с ними контакт.

Естественно, что и французы были заинтересованы предложениями будущего правительства и тоже обещали свою поддержку.

ВОПРОС: Какие предложения англичанам и французам Вы имеете в виду.

ОТВЕТ: Исходя из общих программных установок троцкистско-зиновьевского блока в переговорах с англичанами и французами, центр блока гарантировал им политику благоприятствования их интересам в области внешней торговли, цен, концессий и вопроса о т.н. царских долгах.

ВОПРОС: Вы только что упомянули о программных установках блока. Вы имеете в виду какой-нибудь программный документ.

ОТВЕТ: Нет, никакого документа, в котором были бы изложены эти программные установки блока, насколько мне известно, не существует. В этом и не было практической необходимости. Но разговоры на эту тему, естественно, между членами центра бывали неоднократно.



Я вспоминаю, в частности, длительный разговор, который шел по этому вопросу между мной, ПЯТАКОВЫМ и Буду МДИВАНИ осенью 1934 года.

Мы втроем отправились как-то в кавказский ресторанчик, который помещается напротив телеграфа на ул. Горького.

Вот здесь, собственно говоря, впервые, кажется, мы ставили точки над "и" по вопросу о цели нашей борьбы с ВКП(б). Об этом слишком тяжело говорить, чтобы говорить много. Ясно одно - мы являлись теми, кто нес стране реставрацию капитализма.

Ликвидация политики индустриализации, роспуск колхозов неизбежно должны были возродить капиталистические элементы.

В сочетании и при поддержке иностранного капитала капиталистическая реставрация была неминуема. Мы считали и ТРОЦКИЙ писал нам об этом в своих письмах, что социализм в одной стране - это фикция, что в перспективе длительный период капиталистического под"ема. Этими положениями определялись наши программные установки и тактика борьбы за власть.

ВОПРОС: На всем протяжении допроса Вы даете показания о к.-р. деятельности членов центра блока, но ничего не говорите о своей контрреволюционной работе.

В чем состояла Ваша, СЕРЕБРЯКОВА, практическая деятельность, как члена центра троцкистско-зиновьевского террористического блока.



ОТВЕТ: Я не хотел бы, чтобы у следствия сложилось впечатление, что я хочу как-то скрыть свою к-р деятельность и смягчить свою вину. У меня такого намерения нет.

Я, как член центра, ответственен прежде всего за свою деятельность центра в целом и за террористическую и за вредительскую и за изменническую.

Ответственен потому, что, принимая участие во всех основных решениях, определявших направление деятельности центра блока.

ВОПРОС: В чем же, все-таки, конкретно выражалась Ваша личная к-р деятельность.

ОТВЕТ: Я уже показывал, что осенью 1933 года я виделся в Гаграх с ПЯТАКОВЫМ и разговаривал с ним по ряду вопросов деятельности центра.

Тогда же нами было решено, что я возьму на себя связь и общее руководство закавказской организацией троцкистов, которую возглавлял Буду МДИВАНИ.

Эти функции я осуществлял до самого последнего времени.

ВОПРОС: Это все, что Вы делали, как член центра.

ОТВЕТ: Нет, не все. Осенью 1935 года центром было принято решение организовать террористический акт над секретарем ЦК ВКП(б) ЕЖОВЫМ. Организация убийства ЕЖОВА была поручена мне.

ВОПРОС: Что было Вами конкретно сделано для подготовки теракта над т. ЕЖОВЫМ.



- 15 -

ОТВЕТ: Основной вопрос был в людях. Я лично не располагал доверенными людьми, подходящими для теракта. Поэтому в начале зимы 1935/36 г. я поставил перед МДИВАНИ вопрос о том, чтобы он подготовил из числа закавказской троцкистской молодежи террористическую группу, которая в нужный момент по моему вызову должна будет выехать в Москву в мое распоряжение.

ВОПРОС: Эта террористическая группа была создана МДИВАНИ.

ОТВЕТ: Я этого не знаю. МДИВАНИ я больше не видел и никаких известий от него я не получал.

ВОПРОС: Ваше личное участие во вредительской деятельности.

ОТВЕТ: Никакого.

ВОПРОС: Это неправда. РАДЕК показывает, что Вы - СЕРЕБРЯКОВ, как руководитель Цудортранса, проводили большую вредительскую и диверсионную работу в строительстве военно-стратегических шоссе на Дальнем Востоке.

ОТВЕТ: РАДЕК прав только в том смысле, что вредительство в Цудортрансе я действительно должен был осуществлять. Об этом разговор действительно был. Но прошу проверить, что лично мне вредительскую деятельность осуществить не удалось.

Строительство военно-стратегических шоссе на Дальнем Востоке и в других районах Советского Союза шло под очень крепким контролем военных организаций и я лишен



был возможности что-либо сделать.

ВОПРОС: Вы не все показываєте о своей личной террористической и вредительской деятельности. Предлагаем показать всю правду.

ОТВЕТ: Основное я уже показал. Если вспомню еще что-нибудь сообщу следствию дополнительно.

Протокол записан с моих слов верно и мною прочитан.

СЕРЕБРЯКОВ.

Допросили:

ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ ИНО ГУГБ  
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВЕН. БЕЗОПАСНОСТИ (КЕДРОВ)

ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ КРО ГУГБ  
МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВЕН. БЕЗОПАСНОСТИ (ФРАДКИН)

В Е Р Н О:

СТ. ИНСПЕКТОР УРО ГУГБ  (ГОЛАНСКИЙ)